

От автора-составителя

2 марта 2009 года не стало Анны Ивановны Вайсман. За два дня до этого она успела позвонить всем своим друзьям. Звонила и мне около пяти вечера, — как всегда, читала свои стихи, делилась планами на будущее, рассказывала о событиях, произошедших в тот день. И вдруг...

Нехама Иоановна (а для меня и многих других её учеников — Анна Ивановна) была учителем, другом и наставником более пятидесяти лет. И все эти годы, начиная с первой лекции, я не переставала восхищаться ею. Я любила её и глубоко уважала и хотела хоть в чём-то быть похожей на неё. Каждый день — и в студенческие годы, и по совместной работе на соседних кафедрах историко-филологического факультета, и в бытовом общении — она меня удивляла. Анна Ивановна была талантлива во всем: лекции — таких я больше не слышала, чтение стихов и прозы со сцены — незабываемое. Она умела дружить и быть необходимой людям. А сколько в ней было творческого — одному Богу известно. К чему бы ни прикоснулась рука талантливого человека, везде оставался неизгладимый след.

Профессор, отличник народного просвещения, заслуженный работник высшей школы, член Союза журналистов России и член Союза российских писателей, Анна Ивановна издала около двухсот научных, научно-методических и публицистических статей и книг. Она была первым исследователем творчества английского писателя Арчибальда Джозефа Кронина, ею написаны учебники и учебно-методические пособия по зарубежной литературе для учащихся 5–7 классов, множество сценариев литературно-музыкальных вечеров. Нашему драматическому театру Анна Ивановна посвятила десятки статей и две книги: «Русская классика на

амурской сцене» и «На сцене — человеческие сердца, в зале — человеческие сердца (Зарубежная драматургия на сцене Амурского театра драмы)».

В последние годы Нехама Вайсман занялась литературно-художественным творчеством, стала публиковать стихи и прозу. И это не случайно. Великолепное владение русским словом, поэтический дар, которым наградила её Господь ещё в юности, особенно проявились в зрелые годы.

Книгу об этом удивительном человеке мне довелось собирать ещё при жизни Анны Ивановны.

В канун 84-го дня рождения Анны Ивановны мы сидели и разбирали её архив. Она всегда бережно хранила всё, что касается её семьи, в том числе и газеты со статьями о ней. Целая кипа статей, хороших и разных. И я неожиданно для самой себя произнесла: «Хорошо бы все эти статьи собрать в одну книжку». И Анна Ивановна ответила: «Вот и возьми за эту работу». И я, не знаю почему, сразу согласилась. Уже начала отбор статей разных лет.

И вдруг, совсем неожиданно для всех, ушла от нас Анна Ивановна, не договорив, не дописав ещё многих строк, которые жили в ней. Мы часто говорили с ней о её жизни, творчестве, человеческом восприятии всего живого на земле. И я подумала, что газетных статей для такой книги мало. Нужны живые воспоминания учеников, близких и друзей.

Так получилась книга, написанная большим коллективом авторов, тех, кто любил этого человека, кто благодарен ей за науку и любовь, кто понимал, как много этот человек пережил и как много он сделал для своих детей, внуков, учеников, для просвещения Приамурья, для своего Отечества. Это не столько биография Анны Ивановны, хотя фрагменты её жизни отражены и в статьях, и в воспоминаниях. Это скорее попытка создать образ человека советской и постсоветской эпохи, человека, который всю свою жизнь служил Отечеству и приумножал его славу, который оставил незабываемый след в своих учениках.

Ответственная задача? Очень ответственная. Но нахлынули вос-

поминания, и я, не будучи ни журналистом, ни писателем, взялась и за свои воспоминания, и за то, чтобы собрать воедино всё, что написано о ней: включила некоторые газетные статьи и очерки, воспоминания её учеников и друзей. Думаю, что это не просто интересно, это необходимо нам, ныне живущим, это необходимо и тем, кто ещё и не родился, но будет жить в нашей прекрасной стране, будет с благодарностью вспоминать о таких людях, как Анна Ивановна Вайсман, и, быть может, брать с неё пример.

Книга получилась разностильной, — наверно, в этом в какой-то мере и достоинство данного сочинения. Сохранена индивидуальность изложения каждого автора.

А в заключение хочу выразить огромную благодарность тем людям, без чьей помощи сборник, посвящённый Анне Ивановне, не увидел бы свет.

Это, в первую очередь, генеральный директор ОАО «Амурская ярмарка» Анатолий Васильевич Телюк, включивший нашу книгу в свой издательский проект «Благовещенск. Из века в век» и профинансировавший её выпуск.

Материальную помощь оказали также бывшие студенты Анны Ивановны и те, кто знал и любил её — Олег Александрович Кудяков, Галина Александровна Куленок, Вадим Викторович Морозов, Эльвира Геннадьевна Горевая, Ирина Петровна Веклич, Елена Васильевна Контанистова, Татьяна Евгеньевна Струнина, Наталья Михайловна Овсийчук и Леонид Васильевич Мамошин.

Н. П. Шенкевец

Память сердца

(Сыновья вспоминают свою маму)

Эту главу я начинаю с воспоминаний самых дорогих для Анны Ивановны и Михаила Григорьевича людей — их сыновей. Она любила своих деточек (это её выражение) поистине беспредельной любовью, они отвечали ей тем же. Это самое главное богатство, которое Нехамма оставила после себя на земле. Два замечательных сына, как два крыла, поддерживали и несли свою маму, оберегая её от всяких невзгод.

Старший, Лев Михайлович, (на фотографии слева) — инженер-энергетик, живет и работает в Новосибирске, младший, Юлий Михайлович, — доктор медицинских наук, профессор, зам. директора по науке ДВНЦ физиологии и патологии дыхания.

Нашей маме, Анне (Нехамме) Вайсман, посвящена эта книжка. Увы, тот Главный читатель, который мог и должен был бы оценить её по достоинству, не сделает этого: 2 марта 2009 года мама ушла из жизни. И посейчас ещё боль утраты не даёт возможности сосредоточиться и написать внятные и подробные воспоминания. Но коллективный портрет, представленный здесь, в значительной мере компенсирует их отсутствие. По понятным причинам он отражает в основном ту область, где Анна Вайсман проявила себя наиболее полно, — её работу и, в первую очередь, преподавательскую деятельность, в которой она так счастливо нашла себя. Сейчас даже странно представить, что выбор вполне мог пасть и

на другую профессию, — настолько здесь пришлись впору и её страсть к литературе, и мастерство лектора, и требовательная любовь к ученикам, и незаурядная работоспособность, и многое другое, что сделало маму объектом неизменного восхищения, а порою и поклонения. Преданность вузу, ставшему для неё родным, — Благовещенскому государственному педагогическому институту/университету, — как и феноменальная увлечённость работой, наложили неизбежный отпечаток на все остальные сферы её жизни на протяжении долгого времени.

Об этом, и не только, можно прочесть на страницах книги — замечательного коллективного памятника, созданного трудом и искренним порывом тех, кто её знал. Здесь рассказано и об общественной и просветительской деятельности, и о многообразных увлечениях, среди которых нельзя не выделить театр, и о поэтическом творчестве, в котором, к слову, она всегда — и сознательно — отдавала предпочтение точности и силе передачи чувства перед стилем и отделкой стихотворений...

В то же время очевидным представляется для нас и необходимость занавеса перед той сферой сознания человека, которую принято называть духовной, — здесь только сама Анна Вайсман могла бы рассказать о долгом пути, по которому она прошла, и о том, к чему пришла в итоге. Понимающим и чутким людям многое здесь может сказать вступление Архиепископа Благовещенского и Тындинского Гавриила к одной из её исповедальных книг.

Что касается обстоятельств её личной жизни, то она сама рассказала о них в своих книжках. (Поразительно, кстати, как она успела сделать практически всё, что наметила в последний отрезок своей жизни, несмотря на неизбежные, порой весьма тяжёлые препятствия, «что ставило нездоровье в колёса её судьбы»). Но всё-таки стоит добавить хотя бы несколько штрихов.

Ни одну черту маминого характера, ни один поступок невозможно понять и оценить в отрыве от более чем непростой биографии. Безмятежное детство обожаемого родителями долгожданного ребёнка, задорная юность способной девочки — и, без паузы, оглушающий кошмар страшной, небывалой войны... Тошнотворные ужасы гетто с ежедневной угрозой гибели, немыслимый про-

Нехама Иоановна и Михаил Григорьевич с сыновьями
Лёней и Юликом. 1950-е годы

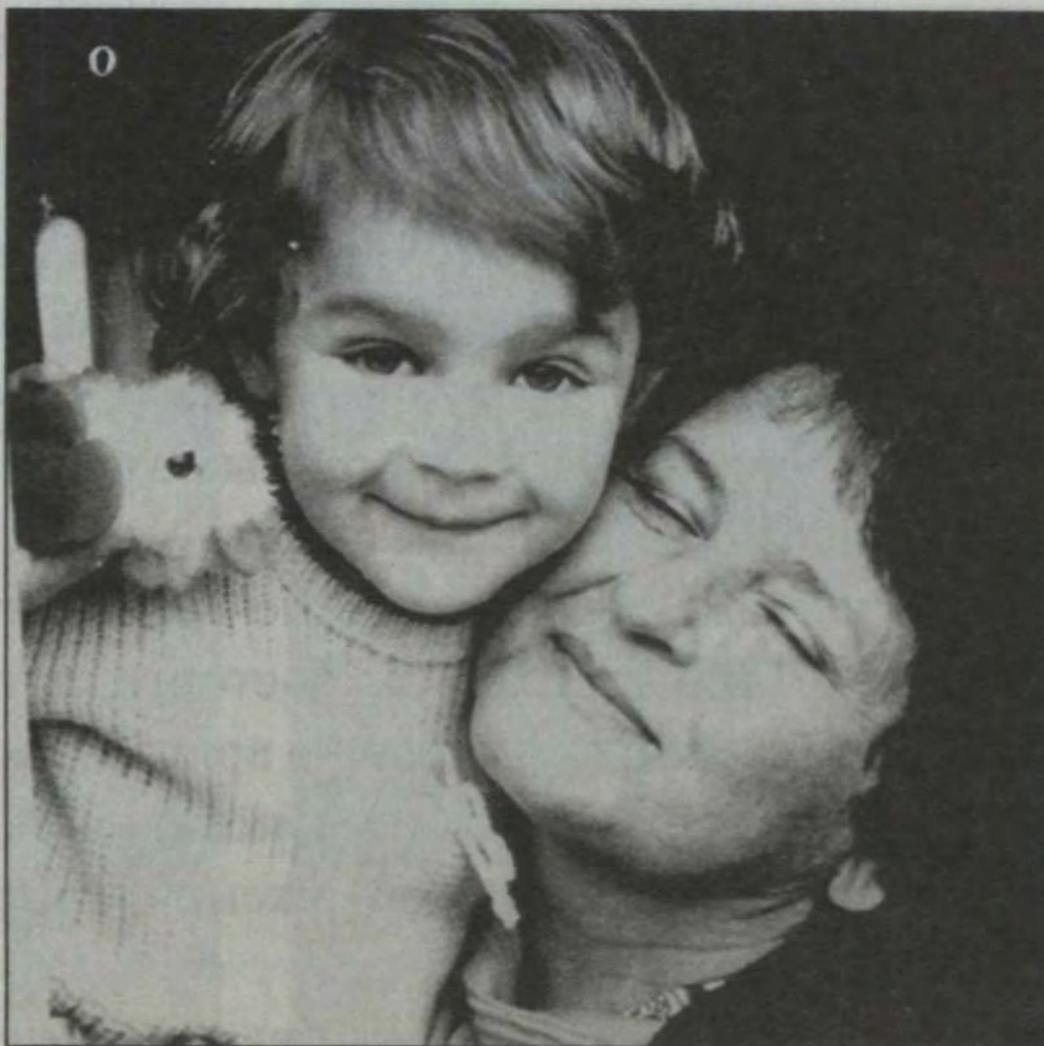
А годы летят...

мах оккупанта, стрелявшего в неё в упор за день до освобождения, — и, наконец, само Освобождение, которого так ждала... Упорная до самозабвения учёба в университете в голодное, но благодарное послевоенное время — и обидная, непонятная и невероятная в стране, победившей нацизм, вакханалия государственного антисемитизма... И вот так почти всю жизнь её будут сопровождать то радость свершений, то болезненные и незаслуженные уколы. Впрочем, так жила вся страна, от которой она никогда себя не отделяла, будучи человеком, глубоко укоренённым в русскую культуру, вершинными творениями которой не уставала восхищаться. Она искренне была убеждена в способности и даже готовности народа России преодолеть очевидные трудности внезапного переустройства. Сама умевшая предельно мобилизоваться в критические минуты, она, быть может, немного наивно полагала, что и большинство людей таковы.

Мама совершенно не принимала цинизм ни как черту характера, ни как жизненную позицию. Её в сильнейшей степени эмоциональная и открытая натура не позволяла поверить в возможность сознательного манипулирования чувствами и мыслями — как собственными, так и других людей. Притом что ей в высокой степени была присуща соревновательность, она начисто была лишена чувства зависти и в этом совершенно сходилась с нашим папой, который и вовсе был наглядным примером человека, ни в малой степени не заражённого этим иссушающим душу пороком. Вообще, их брак, не раз подвергавшийся серьёзным испытаниям, оказался таким устойчивым ещё и потому, что практически совпадали базовые жизненные ценности; вряд ли в полной мере возможно оценить влияние, которое папа оказал на формирование личности своей уже взрослой подруги жизни, — оно было очень существенным.

А как мама радовалась успехам и достижениям своих друзей и подруг, в первую очередь учеников! Это была бескорыстная, какают детская радость, которой она стремилась обязательно поделиться с другими. В такой же степени огорчения и беды близких ей людей были огорчениями и бедами её самой, как и неизменное стремление утешить и, если возможно, действительно помочь им. Человек горя-

Со старшей внучкой
Полиночкой

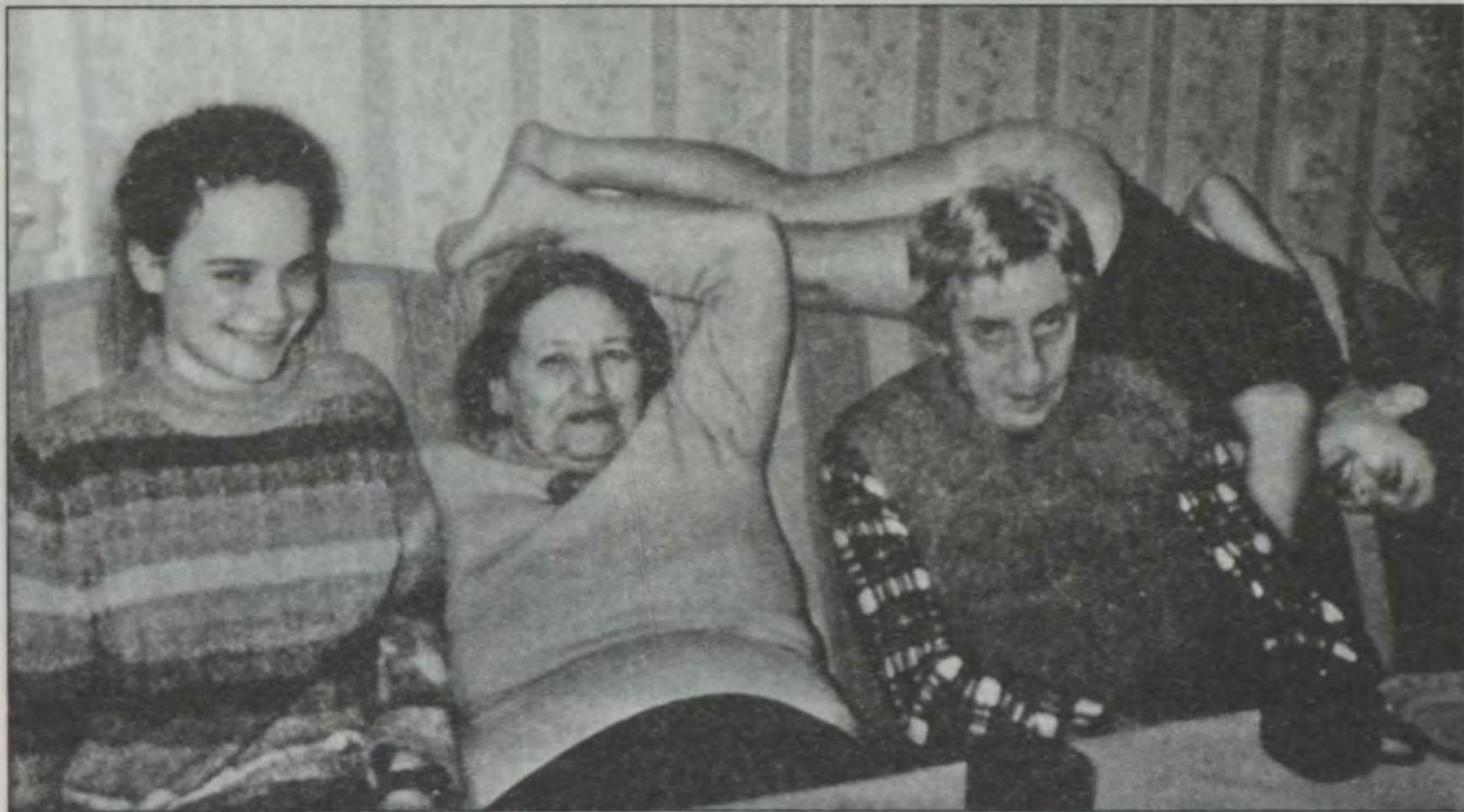

С внуком Женей — сыном Юлия. 27 июля 1996 года

чий и порывистый, она могла показаться порой даже и назойливой в этом желании, но всё искупалось искренностью и самоотверженностью дочери, жены, матери, подруги, наставницы... Нетрудно бы привести для примера случаи, которые навсегда врезались в память, но пусть об этом расскажут авторы книги.

Бесспорно, ей присущим было и чувство признательности людям, поддержавшим её на разных этапах жизненного пути, а также многочисленным ученикам, неизменно отзывавшимся о ней с любовью и уважением: их научно-педагогические и творческие успехи всегда были предметом восторга; в этой связи можно было бы привести немало примеров — вряд ли имеет смысл их перечислять, но трудно удержаться и не вспомнить Анатолия Пантелеевича Дервянко, несомненные достижения которого вызывали её справедливое восхищение.

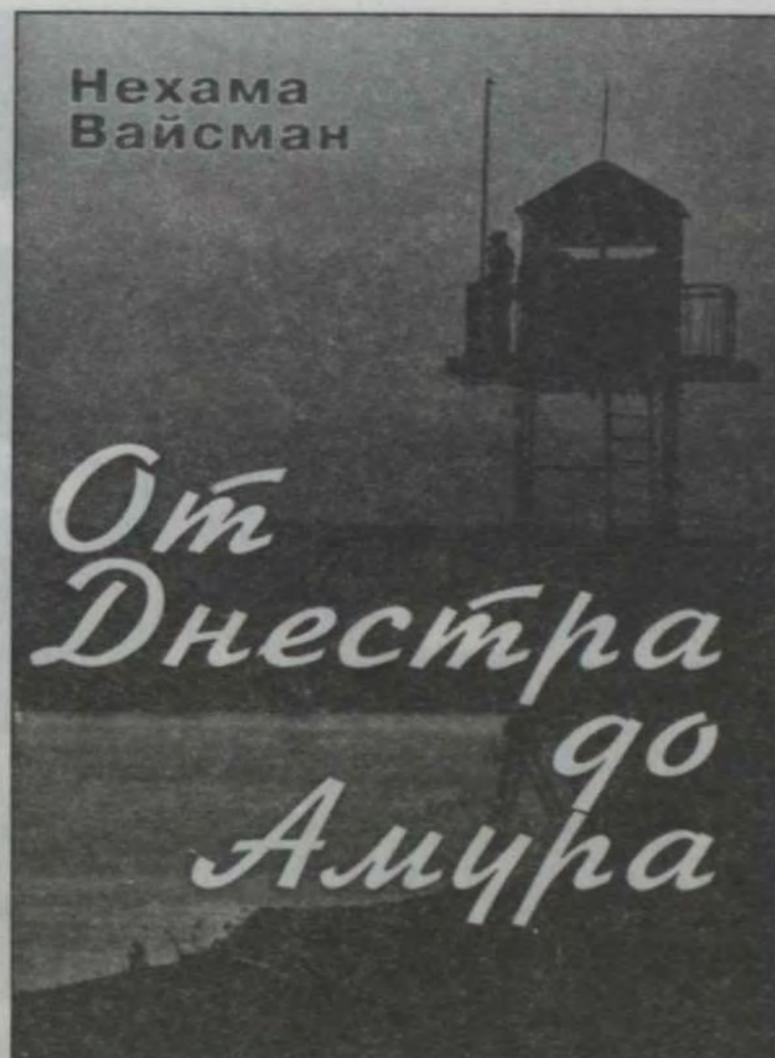
Мы признательны всем без исключения людям, имевшим отношение к выходу в свет этой книжки, но очевидно, что если б не искренняя, деятельная и плодотворная заинтересованность и огромный труд Нины Петровны Шенкевец, ничего бы и не было. В первую очередь ей, но также и всем соавторам — наш низкий поклон.

Внуки Полина и Евгений в гостях у бабушки и дедушки

На закате жизни

Последняя книга Нехамы Иоановны посвящена памяти мужа

«Всё остаётся людям», — с полным правом могла бы сказать мама. Это, конечно, так, но сколько она и унесла с собой! А что же мы, её сыновья, — люди, ближе которых к ней и сыскать было трудно? Чего только не случилось за годы уже долгой нашей жизни: и с детских лет ощущение непрестанной её заботы и беспокойства, и самоотверженного стремления помочь и обогреть, защитить и направить — и в то же время нередкие споры с ней, и претензии, когда действительные, а когда казавшиеся и надуманными, и горячность, даже категоричность... Что ж, мама была живым человеком, к тому же эмоциональным и увлекающимся. Но вот итог: чувство равно благодарности, любви и восхищения кажется единственным, которое мы испытываем.

Пусть так и будет.

Вечная ей память.

Сыновья

Первый курс литфака. 19 мая 1952 года. В третьем ряду в центре — Н. И. Вайсман и профессор К. А. Тимофеев

Анна Ивановна в зеркале амурской прессы

— Stanislaw Demidow

Анна Ивановна никогда не была обделена вниманием журналистов. Может быть, потому, что об этом человеке, личности яркой, неповторимой, было что писать. И, наверное, ещё и потому, что 90% амурских журналистов — это её бывшие студенты, которые любили её. Одним из талантливых её учеников был Stanislaw Demidow.

Ещё в студенческие годы он начал писать стихи, сотрудничал с газетами «Амурская правда» и «Амурский комсомолец», выступал по радио и телевидению. После окончания института в 1961 году был приглашён работать в областной телерадиокомитет. Впоследствии окончил Новосибирскую ВПШ, отделение журналистики. Печатался в сибирских и дальневосточных газетах, в коллективных сборниках «Приамурье моё», «Амур», «Берёзовые окна», «Дальний Восток в поэзии современников», в журнале «Дальний Восток». Его стихи звучали в программах Всесоюзного радио.

Ему, своему ученику, Анна Ивановна посвятила следующие строки:

Ты — светлый луч во тьме безбрежной,
Ты сохранил талант и пыл,
Не растерял богатства предков,
Духовных поисков и сил.
Твори же дале, друг бесценный,
Не улетай во тьму веков,
Пусть радость жизни не угаснет,
Живи сто лет, лети орлом!

У Stanislaw Demidow есть несколько статей о творчестве своего учителя. Я включила две, на мой взгляд, наиболее значимые и интересные.

В 2002 году Анна Ивановна опубликовала книгу «Помню...». Это, наверно, действительно самая главная книга её творчества. Она читается на одном дыхании. Книга хорошо иллюстрирована и великолепно оформлена Юлием Гофманом, отредактирована бывшим студентом Анны Ивановны Владиславом Лециком. А другой давний её студент — Stanislaw Demidow — написал прекрасную статью об этой книге.

Главная книга всей её жизни

У каждого творчески одарённого, неординарного человека есть или, по крайней мере, должна быть главная книга, к которой он идёт всю свою жизнь. Другое дело, что не всегда эта книга бывает написана и опубликована, чаще всего она остаётся просто нашей прожитой жизнью. И многие вехи этой жизни, её события, конфликты, повороты со временем порою забываются, уходят в небытие: человеческая память несовершенна. Запечатлённые же на бумаге, в книге, на магнитофонной ленте или видеоплёнке, наши деяния, мысли и чувства надолго останутся в памяти людей. Особенно интересны и поучительны автобиографические повествования в виде дневников, воспоминаний, хроник, эссе и более крупные жанры.

Примеров масса — «Детство», «Отрочество» и «Юность» Льва Толстого, «Детство», «В людях» и «Мои университеты» Максима Горького, «История моего современника» Владимира Короленко, «Дневные звёзды» Ольги Берггольц... Речь от первого лица, правдивость, искренность, доверительность — всё это привлекает внимание читателей, заставляет их сопереживать, задумываться над прочитанным.

Для кандидата филологических наук, профессора кафедры литературы БГПУ Нехамы Иоановны (Анны Ивановны) Вайсман, имеющей десятки публикаций научных исследований, статей и брошюр, такой главной книгой стало автобиографическое публицистическое повествование «Помню...», изданное Благовещенской издательской компанией «РИО» (редактор В. Лецик,

художник Ю. Гофман). В книге рассказывается о детстве автора, её юности, опалённой войной и проведённой в еврейском гетто. Мы узнаём о незабываемых послевоенных годах и пути молодого филолога в большую науку, об обширной и многогранной деятельности старейшего педвуза Дальнего Востока, его преподавателях и выпускниках разных лет. Книгу завершают стихи автора под рубрикой «Ритмы жизни».

Нехама Вайсман — редкостный человек, наделённый природой многими талантами. Высокообразованная, умная, обаятельная. Её сердце открыто всем явлениям бытия. Она излучает волны доверия, оптимизма, влюблённости в жизнь. И каждый раздел книги пронизан этими токами. Объединённые вместе многочисленные факты прошлого и настоящего, раздумья и откровения автора создают, как мозаика, целостную и запоминающуюся картину, где в судьбе одного человека видна судьба целого поколения и в какой-то степени — история народов советской страны в трудные годы Великой Отечественной войны и последующее время.

Детство Н. И. Вайсман, проведённое в Могилёве-Подольском, обласкано тёплым золотым светом: «Я стою перед тёмным, длинным, большим (он казался мне огромным) подъездом, за которым вдали вижу залитые солнцем ветви большого дерева, коричневатую кору ствола (вершина его не попадает в поле моего зрения). Там, вдали, играют дети, слышен смех. Хочу туда, к солнцу. Как там прекрасно! Никто не держит меня за руку. Я одна. Я побегу туда, в золотое сияние двора...» Это впечатления трёхлетнего ребёнка. Далее, уже от лица девочки-подростка, идёт рассказ о бабушке с дедушкой, родителях, дальних и близких родственниках, знакомых, друзьях и подругах.

Важное место в этой главе уделено нравственному становлению героини, её домашнему и общественному воспитанию, обучению в средней школе, приобщению к миру прекрасного: к классической мировой литературе (Жюль Верн, Александр Дюма, Виктор Гюго, Чарльз Диккенс, Марк Твен, Джек Лондон, позже Стендаль, Бальзак), музыке, театру, художественному чтению (Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Тарас Шевченко, Леся Украинка, Маяковский, Пастернак, Ахматова, Цветаева). Учёба давалась одарённой де-

вочке легко, она увлекалась многими предметами, была отличницей. В школе к ней пришла первая любовь, избранником стал одноклассник Дима Чекайда, погибший на фронте в самом конце войны. Окончена школа. Нехама Вайсман без экзаменов поступает в Киевский мединститут, а на следующий день... «22 июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война», как пелось в популярной тогда песне. Вот когда были испытаны невероятные трудности. Еврейские беженцы были поселены в гетто и фактически обречены на голод, холод, медленное умирание. «Мы попали в мир оборотней, надежда на спасение таяла», — вспоминает Н. И. Вайсман. И приводит примеры вспышек оголтелого антисемитизма, предательства некоторых учителей, соседей, знакомых. В гетто Нехама вела дневник, страницы которого нельзя читать без волнения.

Вот одна из них. 27 января 1942 года. «17 прожитых лет остались позади, полных огня и жизни, кипучей и радостной... Теперь я сижу за столом, при слепом свете каганца, в сырой комнате, со стен которой капает вода, а по углам лежит снег... Ежедневно у нас по 30–40 минимум и по 80–90 максимум мертвецов, которых из-за невозможности копать могилы (на дворе 20–30 мороза) кидают на кладбище, и они замерзают на земле. А что будет весной? Пища собакам. Мне страшно смотреть на близких и знакомых — не узнать. Мать и отец истощены, постарели... Я чувствую, что за семь месяцев войны я стала взрослой — познала горе, лишения, страх. Много крови и слез видела своими глазами. Надежды рухнули как картонный домик. И хотя вера в будущее, лучшее будущее у меня жива и нетронута, как святыня, но доживу ли я? Доживёт ли несколько процентов гонимого еврейского народа? Не знаю. Недаром мама дорогая говорит, что я постарела на пять лет. Мне так хочется жить и дожить. По улицам ходят живые трупы, покрытые вшами, жалкие, несчастные. А рядом — грабители, насильники, творившие разбой, убивавшие людей и сжигавшие их трупы на моих глазах. Люди-звери, которые закапывали живыми маленьких детей...»

Таких записей в дневнике много. Мы советуем читателям внимательнее вчитаться в них: это страстное обвинение фашизма,

расизма, геноцида, терроризма. Несмотря на все лишения, опасности, юная патриотка верила в победу Красной Армии и народа над фашизмом. Выстоять помогали дружба и взаимовыручка простых людей.

И Победа пришла. Началась мирная жизнь. Нехама поступает на филфак Киевского университета, становится «звёздочкой» курса, активно участвует в общественной жизни, с отличием заканчивает учёбу.

В главе «Незабываемые пятидесятые» говорится о замужестве и переезде с мужем М. Перельманом на Дальний Восток. Супруг был начальником одной из погранзастав, а его жена — преподавателем зарубежной литературы Благовещенского пединститута. Нагрузка была огромной, но молодость, энергия, желание отдать как можно больше знаний будущим учителям преодолевали все преграды. Органично войдя в коллектив, Н. И. Вайсман навеки связала свою судьбу с вузом. Позднее она закончила аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию, несколько лет заведовала кафедрой литературы, стала доцентом, а затем профессором. Написала книгу о театре. Несколько лет была депутатом областного Совета народных депутатов.

Н. И. Вайсман прекрасно владеет художественной формой: в повествовании о своём жизненном пути она использует и лирический монолог, может несколькими штрихами нарисовать яркую картину происходящего, изобразить действие в лицах, подняться до высот подлинной публицистики, поведать читателю самые сокровенные мысли и чувства, поразмышлять о сложных явлениях жизни, высказать добрый и умный совет.

Книга хорошо иллюстрирована фотографиями, в основном из семейного альбома Вайсман. Они дополняют текст, воскрешают многих людей, напоминают о прошедших событиях.

Стихи, включённые в сборник, ценны желанием автора выразить своё мирозерцание в поэтической форме. В лучших это удаётся. Стихи неравноценны, но искренни и правдивы, идут от чистого сердца, передают состояние души.

Со страниц книги «Помню...» перед нами предстаёт человек состоявшийся, неутомимый труженик, вобравший в себя духовные

ценности мировой культуры, добившийся общественного признания, пользующийся любовью и уважением окружающих, способный достичь новых творческих вершин.

«Я ещё полна творческих замыслов и стремлений, — пишет она. — От души желаю читателям не опускать крыльев надежды и мечты. Работать, искать, находить, побеждать, вносить свою лепту в развитие человеческой культуры».

Выпускники педвуза разных лет и сегодняшние студенты в свою очередь желают любимому профессору новых успехов в научной работе, в писательстве, продолжать дарить людям радость, зажигать в них искры любви, света и добра, понимания, отзывчивости, сочувствия.

«Амурский дилижанс». 1.01.04.

К 60-летию Великой Победы

По крутой спирали времени

Я держу в руках новый сборник стихотворений Нехамы Вайсман «По спирали времени». Читаю, перелистываю его страницы и мысленно погружаюсь в добрый и в то же время суровый, «прекрасный и яростный» мир, запечатлённый в её творчестве. В нём уместилось более половины минувшего столетия и первые годы XXI века.

В этом мире, в этом времени светлые и безмятежные воспоминания детства, и романтические грёзы юности, и кошмарные, бесконечные дни и ночи, пережитые с января 1942 по март 1944 года в гетто, в Могилёве-Подольском на Украине. Здесь и горечь утрат, и радость Победы, а затем события мирной послевоенной жизни, учёбы, работы, создание семьи, творчество. И постоянный, неустанный поиск совершенства человеческих отношений, восхождение к вершинам и глубинам знаний, постижение лучших произведений художественной литературы, созданных человечеством в различные века, эры, эпохи. И, конечно

же, — раздумья, размышления о смысле жизни, о высоком предназначении человека, о трудном сегодняшнем дне.

Свое 17-летие Вайсман встретила в гетто, но в этот день, 28 января 1942 года, она пережила как бы второе рождение: стала поэтом, написав первое в своей жизни стихотворение «Я словно ввысь поднялась»... В нём поклялась выжить и отдать себя, все свои силы весне Победы и Свободы, несмотря на потоки крови, льющиеся по земле, несмотря на смерть тысяч землян, «погибающих

от холода, голода, мрака, от пули шальной», противопоставив «жёлчи и ненависти мелких людей, стоящих у трона XX века», веру в высшие идеалы человечества: гуманизм, справедливость, демократию.

Конечно, война взвалила на хрупкие девичьи плечи невероятную тяжесть, груз повседневных забот и тревог, грубо и грязно растоптала цветы и мечты юности, поколебала веру в счастье, но не смогла уничтожить надежду, пробудила стремление к борьбе, тягу к творчеству.

«...Ужасы войны разбудили во мне музыку стихосложения. Стихи возникали и возникают спонтанно, отражая время, мои душевные переживания, мою боль и счастье свободы и любви. Я никогда не мечтала стать поэтом. Мои стихи — дневники сердца. Никогда не стремилась подыскивать точные рифмы. Главное — мысли и ритм, нисходящие откуда-то с высоты», — признаётся автор в предисловии.

Это очень характерное признание, дающее ключ к пониманию особенностей творческой манеры Вайсман. Её менее всего заботит поэтическая форма, главное — запечатлеть движение души, выразить мысли и чувства, которые волнуют и мучают, заставляют

браться за перо. Такая позиция в какой-то мере уязвима. Ведь степень воздействия стиха на человека во многом зависит не только от содержания, не только от мыслей и чувств, заключённых в нём, но и от совершенства формы, от всей образной системы, в том числе и от такой «мелочи», как рифма. Но думаю, что это тема для отдельного, обстоятельного, профессионального разговора о художественном мастерстве.

Пока что вывод напрашивается один. Вайсман поэт такой, какой есть. Хотите — принимайте его, хотите — не принимайте, но он останется самим собой, не изменит своих позиций и убеждений. Он сам себе создаёт свою форму, сам себе — высший судья.

Стихи, вошедшие в рецензируемый сборник, неравноценны. Некоторые из них, особенно написанные в годы войны, могут показаться устаревшими: много публицистики, мало лирики, но большинство стихов всегда одухотворены, в них бьётся живое человеческое сердце, передано состояние души. А ведь это и есть признаки подлинной поэзии, отличающейся от бездумного стихоплётства, от искусного, но безжизненного версификаторства.

Боясь физического уничтожения фашистами в гетто, Вайсман пишет послание Родине, где говорит о пережитых муках и страданиях, выражает надежду на скорое освобождение из нацистской неволи. И он пришёл, этот долгожданный день. 19 марта 1944 года войска Второго Украинского фронта освободили узников.

**Мученья и слёзы, горе и страх,
Обида, рабство, гнёт —
Вот календарь наших дней, страна,
Пойми нашу муку, родная!**

**...Дети твои пронесли на руках
Сквозь бурю и свист снарядов
Радость, свободу и жизнь нам.
Гордись своими сынами!**

Суровые, строгие и гордые патриотические стихи Вайсман «Киеву» звучали на украинской мове в годовщину освобождения

Киева в октябре 1944 года. Они были прочитаны автором со сцены Украинского драматического театра им. Леси Украинки. Вот фрагмент из этого стихотворения в авторском переводе с украинского:

Ночной мой город,
Слушаю тебя...
О, мученик наш неповинный,
Ты воплотил все лучшие мечты,
Любимый, древний Киев!

Как я мечтала свидеться с тобой,
Моя любовь, надежда, озаренье!
Но ты предстал сегодня предо мной
Картиной страшных разрушений.

Поруганный Крещатик, Бабий Яр...
И залито всё кровью преступленья,
И слышен стон и не смолкает плач
Мильонов здесь невинно убиенных.

Но дух народа не был сломлен врагом, город не сдался, он живёт: гудят соборы, тополя, природа. «Киев не погиб, он живой. Он восстал из пепла», — делает вывод автор. Этими же чувствами продиктовано стихотворение «Небо счастья», посвящённое салюту Победы над Киевом 17 октября 1944 года.

Постепенно меняется тональность стихов, в них всё чаще звучат радостные, оптимистические ноты, оттаивает душа. Больше пишется лирики. Увидела простые кусты сирени, обрызганные дождём — и скоро уже готово новое стихотворение. С юным максимализмом она даёт себе зарок: бережно хранить свои лучшие, высокие, святые мысли и чувства от пошлости людской, лелеять свою «голубку быстроекрылую» — грёзу:

Так пусть мои грёзы услышат
Только ветер да тёмная ночь,
Так пусть мои мысли развеются
По степи седым ковылём.

Автор вглядывается поглубже, попристальнее в свой внутренний мир и обнаруживает, «как много светлых, ясных снов» хранит её душа, как «много мрака и огня бушует в ней всегда». Она вбирает в себя и лучи солнца ясным днём, и блеск ночных молний. Она восторгается смехом малышей и ненавидит жёлчь, злость и трусость людей. Она любит благоухание цветов, но ей также близок вкус полыни горькой. Она любит покой, но и буря — ей сестра.

И так всегда.

В моей душе живут два «Я».

Одно смеётся и поёт,

Другое жжёт меня.

(«Такая ли я?»)

В лирике приоткрываются некоторые тайны её души — сложной, противоречивой, романтической, увлекающейся, мечтающей о мире без оков, о светлой радости, поющей песню весны и любви. Она тонко чувствует природу, любит её обновлением или увяданием, красотой первых подснежников, пением птиц, «в багрец и золото одетыми» лесами и рощами.

В самом конце войны Н. Вайсман выпало пережить жестокий удар — потерю любимого друга, который погиб. В «Письмах к любимому на фронт» она вспоминает их знакомство, благословляет на подвиг, мечтает о встрече:

Хотела б сесть на ту скамейку,

Щеку горячую прижать

К снежинкам, тающим, как песня,

И тихо-тихо счастье звать.

Напрасно. Он далёк, как сон,

На фронте где-то, где нет места

Моей печали и слезам,

А только Жизнь, Смерть и сталь...

Не довелось больше встретиться навсегда разлучённым войной молодым влюблённым. Но жизнь продолжалась, и время

— лучший лекарь — зарубцевало сердечные раны и душевные травмы.

Дальний Восток, Амурская область, куда приехала работать в 1950 году с мужем-пограничником молодой педагог Н. И. Вайсман, выпускница Киевского университета им. Тараса Шевченко, пришлись по душе. Она стала работать в Благовещенском педагогическом институте (ныне педуниверситет). Начинала ассистентом кафедры литературы, а закончила кандидатом наук, заведующей кафедрой зарубежной литературы, профессором, Заслуженным работником высшей школы. Несмотря на огромную научную и учебную работу, различные общественные обязанности (Вайсман четырежды избиралась депутатом областного Совета), она продолжала и продолжает писать стихи.

Читателей привлекут её стихотворения о природе и людях Приамурья, коллегам, подругам и друзьях, родственниках, знакомых. Для каждого находятся у неё добрые пожелания, сердечные приветы. Воспеты и город Благовещенск, «где в старинных домов узор вплёлся абрис сегодняшних дней, где работать и жить легко», и род-

На 70-летнем юбилее кафедры литературы БГПУ.

Слева направо: сидят — А. Урманов, Н. Вайсман; стоят — О. Маслов, Л. Кирпикова, А. Лосев, Н. Шенкевец, А. Забияко, Н. Недельский, В. Городецкая, С. Демидов.

ной БГПУ, и его сосед ДальГАУ, и Амурская областная библиотека им. Муравьева-Амурского, и многое, многое другое. Мир её увлечений обширен и разнообразен, многолик. Она чутко реагирует на любую несправедливость, боль, неразбериху, глупость... Восстаёт против подобных явлений, обличает их виновников. Иногда она отталкивается от обыденных жизненных ситуаций, частных случаев, но всегда стремится к обобщениям, высказывает мудрые мысли, согретые сердечным теплом. Например, в стихотворении «Заповедь» заключена великолепная мысль: «Люди, любите всё то, что человечесно, цените всегда и муки творчества, и радости труда»...

Сама Н. И. Вайсман с завидной смелостью преодолевает трудности, сомнения, разочарования, вызванные современной действительностью, и продолжает бодро тянуть «телегу жизни», верить в безбрежную песню Добра, Правды, Красоты. Она, оптимист по натуре, видит своё предназначение в служении людям словом и делом, песней и стихом.

Сборник «По спирали времени», вышедший из печати к юбилею Н. И. Вайсман, передаёт молодым поколениям праздничное, творческое, активное отношение к жизни.

Пожелаем же вечно юному юбиляру, теперь уже члену Союза российских писателей, здоровья, долголетия, благополучия. И будем надеяться, что ещё много света и тепла отдаст окружающим людям этот состоявшийся как личность, всеми уважаемый человек, поэт в душе, для которого каждое стихотворение — памятная страничка дневника его сердца.

«Амурская правда», 22.06.2005.

Не созерцатель жизни — творец!

Нина Николаевна Дьякова (в девичестве Кандаурова) — тоже бывшая студентка Анны Ивановны. В 1977 году окончила Благовещенский педагогический институт, с 1978 года работает в учреждениях культуры и искусства Амурской области — в областном краеведческом музее, областном Доме народного творчества, Амурском областном театре драмы. Член Союза писателей России с 1994 года, поэт, публицист. Дважды удостоена звания лауреата премии губернатора Приамурья в области литературы и искусства. Автор пяти поэтических сборников и двух книг художественно-документальной прозы. Является членом редколлегии журнала «Дальний Восток». В газете «Наш округ» от 25 января 2000 года она посвятила любимому педагогу одну из своих статей с очень точным названием.

28 января профессору кафедры литературы Благовещенского государственного педуниверситета, кандидату филологии Анне Ивановне Вайсман исполняется...

Скажем, немножко за тридцать. Цифры в данном случае мало что значат, ведь в Благовещенске и за его пределами с этим именем множества людей ассоциируется некий энергетический вихрь, жизнелюбие, богатство эмоций и страстей, коих могло бы хватить не на одну судьбу. Даже сегодня, когда Анна Ивановна не совсем здорова, её молодая душа кипит и живёт, опережая и обходя всевозможные бытовые (разве не бытовое неудобство — болезнь?) неурядицы. Не в характере Анны Ивановны — смиренно отдать себя на волю судьбы, опустить крылышки, нахохлиться и тихонько ждать естественной развязки. Как же — а стихи? А театр? А публикации? А внуки, в конце концов, как? Вот и не даёт она покоя родным и близким. По телефону с давней приятельницей по полтора часа кряду сочиняют стихи, даже игру свою придумали. Им весело, им интересно. А сыну младшему, Юлию, который (так случилось!) по профессии

врач, по натуре — врач, а по всему вместе — самый настоящий Доктор, добрее и обаятельнее и не сыскать, — так вот сыну, Юлию Михайловичу Перельману, общение с Анной Ивановной даёт ещё и немало важных жизненных ценностей:

— За что я больше всего благодарен маме, так это за острое восприятие мира, которым она меня наделила в полной мере. Мама — человек не созерцательный, для неё не характерно философское, несколько отвлечённое отношение к жизни. Она всё воспринимает обнажёнными нервами. Это не всегда хорошо, ведь человек при этом сгорает. И второе — мама приобщила меня к мировой культуре. Мама привила мне, моему брату, а дальше — внукам, понимание поэзии, умение не просто замечать, а видеть красоту мира, доброту людей... Хотя я ведь её просто очень люблю.

Анна Ивановна Вайсман из тех людей, о коих складывают легенды. Всегда. Есть преподаватели самые разные. Анна Ивановна — такой педагог, о котором во все времена студенты-первокурсники узнавали (и узнают!) гораздо раньше, чем начинают изучать предмет. В данном случае — предмет, сдавать который приходится в самую первую сессию. Кураторы групп новобранцев-филологов по обыкновению предостерегают: мол, преподаватели дадут вам списки литературы, так вот, литературу эту всю надо прочесть. Списки заучивать при этом не имеет смысла. И толку — никакого. Запомнить авторов, не читая книг, невозможно, да и рискованно: на экзамене вся информация исчезнет после первого же наводящего вопроса. Короче, читать надо. Добросовестно. Иначе...

Иначе первые же «халявщики» напарываются на зачёт по «античке» (для краткости: так студенты филфака называют интереснейший и, что скрывать, труднейший из предметов — античную литературу). Анне Ивановне нипочём нельзя было, сделав «голубой глаз», наврать с три короба, насочинять, если язык подвешен, и таким образом сдать трудный зачёт.

По причине легкомыслия и юношеского «пофигизма» студентов либо вследствие высокого преподавательского профессионализма Анны Ивановны, но номер «свалить античку с кондачка» не удавался. С таким редким по знанию предмета профи, коим лет уж пятьдесят является Анна Ивановна, сдача зачёта могла стать удовольствием

сильно пролонгированного действия. И провести либо обойти Анну Ивановну, дай Бог памяти, кажется, не удалось ни одному маменькиному лентяю, ни одному общественно значимому или страшно занятому студенту. Бывало — до четвёртого курса, до диплома... Таких, кстати, не жаловали ни преподаватели, ни студенты-однокашники. А вот Анну Ивановну — обожают и до сих пор. Любят, уважают, ценят и не устают благодарить многочисленные выпускники пединститута (ныне — педуниверситета), которые в какой только народнохозяйственной или общественно-экономической отрасли не работают. Учителя школ, воспитатели внешкольных образовательных структур, педагоги университетских кафедр, специалисты средних специальных учебных заведений, писатели, журналисты, предприниматели, киношники, социальные работники... Скажите — зачем им «античка», зарубежная литература разных периодов человеческой истории? Да ведь человечество живёт всё по тем же законам, которые изучены и отражены именно в литературных сюжетах. И со времён античности этих сюжетов-то не прибавилось до сего дня: любовные треугольники, правительственные интриги, борьба мира бедных и мира богатых, проблемы детей и родителей. И об этом чётко твердила всегда и продолжает твердить профессор Вайсман, начиная с самой первой своей лекции на первом курсе. Удалось кому это услышать и понять — значит, не безнадежны в делах будущих. И в семейной жизни меньше дров наломает такой специалист, и в творчестве, и на службе.

Конечно же, Анну Ивановну помнят все её студенты. Яркая это личность, незабываемая. Её артистизм и её неистребимое женское кокетство на лекциях, даже если в аудитории парней не больше 3–4 человек (на филфаке какие парни?), да и те тщедушные бледнолицые очкарики. Неважно! Анна Ивановна и тех мальчишек умудряется поднять в их же собственных глазах до высот настоящих джентльменов, придумывая всякий раз какую-нибудь неразрешимую без мужского участия проблему: то ли свет в аудитории погасить среди дня и солнца, то ли в деканат сбегать за расписанием, то ли кучу внесённых в аудиторию фолиантов унести по частям («Ой, это же тяжесть безумная! Одному не под силу», — скажет Анна Ивановна, будто не она эти фолианты доставила только что). Смотришь, к 4-му курсу «хлюпиков» уже расхватили-оженили. Анна Ивановна к сему и свою малую толику стараний приложила.

А то вот ещё, отдельной темой: любовь Анны Ивановны к художественному слову. Сегодняшние мэтры Амурского (и не только) радио и телевидения своим умением чётко и внятно говорить обязаны не кому-нибудь, а ей, Анне Ивановне. Одни учились на филфаке, другие занимались в её студии художественного слова. И здесь для многих всё начиналось с «антички». Маленькая, пухленькая, миловидная, с яркими серо-голубыми глазами, впархивала Анна Ивановна в аудиторию, декламируя нам, сидящим с отвисшими челюстями первокурсникам, какой-нибудь гекзаметр вроде: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!» На курсах постарше это мог быть красивый сонет Шекспира:

**Мои глаза в тебя не влюблены,
Они твои пороки видят ясно.
Но сердце ни одной твоей вины
Не видит. И с глазами не согласно.**

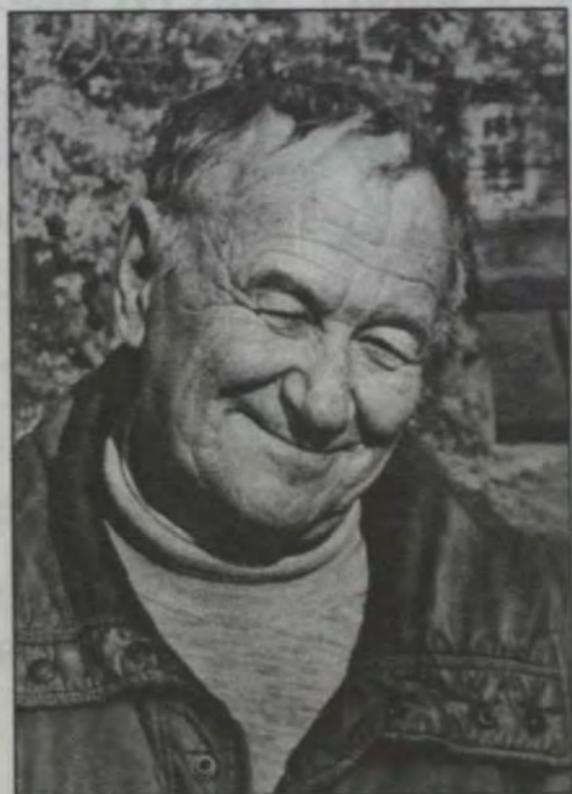
И ещё. Театр. Анна Ивановна Вайсман понимает его сердцем, чувствует его эмоциональные оттенки и переливы настроения в игре актёров; общую тональность спектакля схватывает скорее душой, а уж потом осмысливает, разводит по акцентам, называет своими терминами. Амурский драматический — особая любовь Анны Ивановны. В этой любви и призналась она однажды своей книжкой «На сцене — человеческие сердца, в зале — человеческие сердца».

Время проходит, а к этой книжке всё обращаются и обращаются люди, вместе с фактами выуживая из сборника статей о театре желание идти на спектакли, сопереживать «здесь и сейчас», в едином действии, радостям и горестям героев драм и комедий.

Такие люди, как Анна Ивановна Вайсман, воспринимаются неоднозначно. Кого-то беспредельно восхищают её жизнелюбие и страстность во всех проявлениях, кому-то не по себе от её трудолюбия и жажды познавать новое, кого-то откровенно раздражает её стремление поведать миру о своих чувствах. Но что точно: Анна Ивановна Вайсман остаётся ярким впечатлением, а то и событием в судьбе тех, кто её знает. Всё по той же причине: она не созерцатель, а творец.

— Александр Филоненко

Спасибо, что Вы есть

Александр Семёнович Филоненко (1941—2010) окончил исторический факультет БГПИ, долгие годы работал в газете «Амурская правда» и, без всякого сомнения, являлся одним из лучших журналистов Амурской области. Он тоже учился у Анны Ивановны. И, конечно же, не мог пройти мимо книги, о которой здесь уже говорилось — «Помню... Страницы жизни», — откликнувшись на неё газетной публикацией.

У двух наших друзей, проверенных десятилетиями авторства в «Амурской правде», сейчас праздник на душе — вышли из печати их (!) книги. С чем мы от души поздравляем и Анну Ивановну Вайсман, и Бориса Петровича Рябова.

Да, я назвал Вайсман Анной Ивановной, хотя на книжной обложке у неё значится другое (данное родителями при рождении) имя. Для меня она была, есть и будет Анной Ивановной (так проще и удобнее), моим любимым институтским преподавателем и хорошим другом — товарищем по жизни и по сей день (несмотря на «тройку» по «зарубежке», поставленный Анной Ивановной в зачётку много возомнившего о себе студента сорок лет назад!).

Вайсман — это целый пласт, эпоха и в амурской педагогике, и в культурной жизни области, и, если хотите, в нашей журналистике (а может быть, даже и в поэзии?) Трудно найти сегодня в Приамурье школу, где бы не было воспитанников Анны Ивановны: добрые полвека она преподаёт литературу в Благовещенском педагогическом институте (сейчас университет, но суть остаётся та же). Из-под пера театрального критика А. Вайсман вышли и увидели свет в «Амурской правде» десятки, сотни рецензий на спектакли и своих, амурских ар-

тистов, и приезжавших к нам на гастроли. Как публицист, она много и гневно писала и пишет об ужасах Второй мировой войны. Ведь знает о ней Анна Ивановна не понаслышке: фашистское гетто, узницей которого она была, оставило свою боль на всю оставшуюся жизнь.

Я всегда знал, что писать Вайсман умеет, и верил, что со временем сумеет Анна Ивановна собраться, отбросить в сторону всю текучку и описать прожитые годы. И ведь собралась! Книжку свою моя учительница назвала коротко и ёмко — «Помню...» И каждая страничка этого произведения подтверждает — память у автора отличная. За её личной биографией очень зримо вырисовывается биография всей страны, ради которой она жила, живёт, любит и творит...

Обе книжки, к сожалению, изданы небольшими тиражами (не детективы ведь!) Но что касается полиграфического оформления, то оно на хорошем уровне. Чувствуется опытная редакторская рука таких мэтров издательского дела, как В. Лецик и О. Мамонтова.

В заключение хотел бы ещё раз поздравить и А. И. Вайсман, и Б. П. Рябова с новыми книгами. И сказать им спасибо за то, что у «Амурской правды» есть такие испытанные временем друзья, как они.

Н. И. Вайсман среди работников кафедры литературы, сфотографировавшихся на память с поэтом Леонидом Завальнюком. Весна 2004 года.

Душа на дорогах тьмы и света

Многолетняя творческая дружба связывала Анну Ивановну с амурской поэтессой и журналистом Светланой Аркадьевной Борзуновой (1951–2006). Родилась она в Томске, выросла на просторах Алтая, окончила Томский университет. Светлана Борзунова как творческая личность состоялась именно в Благовещенске. До последних дней она работала журналистом в разных газетах и писала прекрасные стихи.

Анна Ивановна посвящала ей свои строки:

Ты амурскою музой встаёшь
И витаешь на небе над нами.
Ты зарёю встречаешь восход
И вечерней порою, как пламя.
(1997 г.)

Я люблю тебя,
Светлая Анна моя!
И желаю бессмертья стихам,
так волнующим душу и сердце
людей — дорогих тебе амурчан.
(2001 г.)

Светлана Борзунова не раз обращалась в своём творчестве к неординарной личности Нехамы Иоановны и в стихах, и в прозе. Так, 14 августа 1998 года в «Старой мельнице» — приложении к газете «Амурская правда» — она пишет очерк об Анне Ивановне под рубрикой «Дар бесценный». Мне кажется, это самый полный очерк жизни дорогого нам человека.

Когда внучка Полина, названная так в честь своей прабабушки Перл, потребовала от Анны Ивановны Вайсман восстановить родословное древо, обнаружился целый интернационал: украинцы, поляки, евреи, русские... Но Анна Ивановна всегда считала себя именно еврейкой, и мысль о том, что можно отказаться от своей нации даже ради спасения жизни, не приходила в голову.

Она, воспитанная родителями, восторженно принявшими советскую власть, вне предрассудков старого мира, вне религии, на лучших образцах мировой литературы, на почти подсознательном уровне помнила, знала, что она — десятое колено от великого Баал Шема, основателя течения хасидов, гордости иудеев. Папа и мама не учили Ньюсю молиться, но учили любить всякую жизнь, делать добро и не стремиться к материальным ценностям.

Верили хасиды, что Бог живёт в сердцах людских и молиться ему надо с радостью, с песнями и танцами. Синагога должна быть обителью веселья. Свет непременно должен торжествовать над тьмой. Эту истину Анна Вайсман переняла от своего отца, глубоко верующего человека. Под светом подразумевался не Бог, но Истина, Добро, Разум. Поэзия Пушкина и Лермонтова, любимая школа, мамины песни: «И по звонким струнам я ударила звучней...»

Маму звали Перл — жемчужина, папу — Иойно — голубь. Она была Нехама, дочь Иойно — голубиное утешение. Всех троих фашисты загнали в гетто и пытались убить. За то, что они были от колена Авраамова, от колена Баалшемова, за то, что некогда голубь слетел к Марии и благовествовал ей рождение Спасителя. Чудом было спасение семьи Вайсман, выжившей среди 6 миллионов евреев, убитых Гитлером.

Как спасались и как спаслись, Нехама Вайсман описала в автобиографической повести «Отчизна родная, мы ждали тебя», опубликованной в литературно-художественном альманахе «Приамурье-97». Пересказывать эти жуткие страницы истории не резон. Лучше прочитать самим. Возьму на себя смелость с разрешения Анны Ивановны Вайсман привести своё стихотворение, написанное под впечатлением этой повести.

Мера ужаса и боли
Не поместится и в слове.
Но поверх земной юдоли —
Мера правды и любви.
Что под небом Украины,
Что в Сибири, крае ссылки,
Иудейские осины
По дороге, по развилке.

Эти листья в форме сердца
Устилают путь до храма.
Мы навек единоверцы,
Вечно юная Нехама.

Как сумела юная Анна, пройдя сквозь фашистский ад, сохранить в душе веру в людей, доброту и оптимизм, для меня остаётся загадкой. Однажды, мимоходом обронив несколько слов, вытащивших меня из тяжёлой депрессии, она также мимоходом в ответ на мою благодарность вымолвила: «Если я могу сделать людям добро, я всегда его сделаю». И то, что это принцип жизни, могут подтвердить все её многочисленные ученики. Сорок с лишним лет она преподаёт в Благовещенском педагогическом университете. Иногда мне кажется, что у неё учились абсолютно все мои знакомые и я сама тоже.

Она — Учитель милостью Божьей. Спросите её выпускников, и каждый расскажет о ней целую поэму. Когда впервые в жизни юная выпускница Киевского университета вошла в класс, то в первый момент обмерла под взглядом сорока пар глаз. А в следующее мгновение подошла к окну и, глядя вдаль, стала читать на память поэму Маргариты Алигер «Зоя». Когда повернулась к классу, девочки все плакали... Это не было педагогическим приёмом, это был порыв души, вдохновение и озарение, поиск единого для всех общего языка — языка поэзии, языка души.

— Я очень люблю своих студентов, своих детей. Я их гоняю, хочу, чтобы они знали всё то, что знаю сама. Будете знать — не будете ничего бояться, даже сказать: «Я не знаю».

Ничего не бояться — это тоже мечта из тех страшных военных времён. Ещё долго после оккупации, гуляя с подругами по Киеву, Анна вздрагивала: вот место, в котором хорошо спрятаться! И ещё мечта — наверстать всё, что отнято войной, все пропавшие годы. Училась как сумасшедшая, бегала на концерты в филармонию, в студию художественного чтения, стихи ещё с детских лет читала блестяще, сама писала стихи. Показала профессиональному поэту — отговорил продолжать опыт. Много лет спустя при встрече, словно извиняясь, утешил: «Зато вы стали учёной дамой».

На 75-летнем юбилее
Н. И. Вайсман.
Юбиляра
поздравляет поэтесса
Светлана Борзунова

Ох, нелёгкок был путь киевской студентки до учёной дамы! Не одни фашисты смотрели косо на евреев. Пятый пункт графы наглухо закрыл отличнице, рекомендованной самим академиком Белецким, путь в аспирантуру. В 1949 году то, что она еврейка и была в оккупации, весило куда больше, чем её блестящие труды по Брюсову, успехи в организации концертов и активность в комитете комсомола.

Только десять лет спустя, уже в Благовещенске, когда одна её довольно слабая студентка явилась сияющая: поступила в аспирантуру! — Анна Ивановна не вынесла и разрыдалась дома от обиды. Муж, бывший одноклассник и друг детства, мудрый Михаил Григорьевич Перельман, воспринял её горе стоически. «Ну чего плачешь? Ты тоже можешь поступить в аспирантуру» — «Не могу. Мне уже тридцать пять лет. И дети...» — «Ничего, детей я беру на себя», — мужественно ответил тот. При конкурсе 19 человек на место Анна

Ивановна поступила в аспирантуру при Московском педагогическом институте. В тот же год.

В Благовещенске за неё к тому времени держались руками и ногами — аспирантуру разрешили только целевую, чтобы непременно вернулась назад. И то — где было ещё найти такого специалиста, готового за 105 рублей работать на полторы ставки и читать все курсы от древнерусской до современной зарубежной литературы. Над ней подшучивали друзья: «Предложи Нюсе читать китайский язык, она тут же согласится».

В московской аспирантуре руководителя по её теме о Плеханове не нашлось. Предложили взять другую тему, по которой был руководитель. Выбрала Кронина: у него пять романов на русском языке вышло. Начала работать над новой темой — выяснилось, что у того куча романов непереведённых. Пришлось самой заняться английским. Год ушёл на переводы. Способности к языкам у Анны Ивановны были, знала русский и украинский, в своё время за полгода в гетто выучила идиш.

Но тут работа над языком тормозила работу над диссертацией. И всё же справилась. Когда приехала в Москву на защиту, её имя уже вошло в Большую Советскую Энциклопедию как специалиста по Кронину.

Сейчас у Анны Ивановны 92 научные работы, куча брошюр и книг по методике преподавания зарубежной литературы — от «Алисы в стране чудес» до «Хоббит. Туда и обратно». На подходе учебник для школьников по зарубежной литературе для 5–6-х классов и ещё масса творческих планов. Но тогда упоминание в энциклопедии казалось чудом. Как же так, без всяких усилий с её стороны...

Ещё свежи в памяти страдания 1953 года. Тем, кто жил в те годы, памятен «сталинский призыв». После смерти вождя тысячи людей подавали заявления в партию: массы должны заменить все вместе непоправимую утрату. Искренне, как и большинство современников, оплакивавшая Сталина, спасшего её от проклятого фашизма, Анна Ивановна Вайсман подала заявление в партию. Но партия всё знала обо всём. Её сочли недостойной: всплыл факт, не известный даже самой кандидатке в КПСС. Её мама переписывалась с родственниками за рубежом. Райком решительно отвлёл её кандидатуру.

Это было ударом. Беременная вторым ребёнком, Анна Ивановна тяжело заболела, сказалоь это и на здоровье малыша. Кто-то её жалел, кто-то радовался: «Так и надо, все они такие».

Чтобы доказать, что не все такие, Анна Ивановна не щадила себя. Для неё, поклонницы мировой литературы, все люди были равны, все — дети человечества. И потому работала по 12 часов в день, утешая себя: «Я жива и приношу пользу людям». В платье, мокром от подступившего молока, прибегала домой с лекций, быстро кормила сына и, сдав на руки няньке, бежала назад в институт. Больше взять и больше отдать людям. Деньги её не интересовали. Интересовали живые души тех, кого она учила.

Хорошо, что в семье её понимали правильно и всегда помогали. И муж, и сыновья, уважавшие мамину работу и по-ребячьи поддерживавшие её.

Анна Ивановна Вайсман в работе была безотказна. Когда попросили возглавить кафедру, посомневалась, но согласилась. Вместо имевшихся в наличии трёх педагогов (в то время шутили: «Три сестры и дядя Ваня») собрала молодой работоспособный коллектив. Итог — 12 кандидатов наук. Никогда не стояла заведующая кафедрой камнем на пути у молодых, хотела помочь им и помогала. На наработанном ею багаже кафедра работает и поныне, когда руководит уже совсем другой человек.

Хватало сил ещё и на нелёгкую нагрузку областного депутата — четыре срока. Бегала по стройке, наблюдая, как возводится детский сад. Выбивала квартиры работницам хлопкопрядильной фабрики, добивалась, чтобы сделали остановку поезда возле садовых участков, провели нужную людям дорогу на Песчаное озеро. Как-то шла по улице, и на шею ей бросилась незнакомая женщина. Оказалось, благодаря Анне Ивановне она получила квартиру.хлопотать за других приходилось много, но Вайсман не боялась воевать за интересы людей. Неудивительно, что за глаза называли её беспартийным большевиком. А легко ли ходить по начальственным кабинетам и требовать, просить, умолять?

На этом фоне руководство студией художественного чтения было отдушиной. Половина студийцев Анны Ивановны сейчас работают в радиокомитете. Даже председатель ГТРК «Амур» был когда-то

студентом, увлѣкшимся поэзией. Любопытно, что из студийцев вышло пять счастливых семейных пар: Кострыгины, Морозовы, Ольховы... Поэзия помогла молодым людям открыть себя, свою душу, услышать и понять другого. А разве не из этого рождается любовь?

Другой отдушиной Анны Ивановны был театр. В Москве, во Львове, в Киеве она никогда не упускала возможности побывать в театре. Как-то за месяц в Москве пересмотрела 28 спектаклей на Таганке. И ей Благовещенский театр обязан многочисленными рецензиями и целой книгой, посвящённой его истории.

А творческие вечера в институте, Пушкин, Фадеев, Некрасов, когда весь зал дышал поэзией и сама Анна Ивановна перевоплощалась то в героев, то в авторов, то в тех, кто вдохновлял их на творчество... Думаю, сама Анна Ивановна Вайсман как муза-вдохновительница — особая тема, ждущая своего автора. Письма от её выпускников приходят к нам в редакцию достаточно часто. Мы их печатаем, пересылаем адресату. И если я что-то упустила, пусть они дополнят мой рассказ.

Но в чём же загадка её — женщины, человека, педагога? Не претендую на окончательный ответ. Но мне кажется, эта тайна стара как мир и так же бессмертна — любовь. Любовь к людям, к ученикам, к жизни, к Родине. «Я люблю людей, хочу, чтобы все были счастливы. И все смеялись. Чтобы дети выросли и стали хорошими людьми. Прорваться к каждому сердцу, не ставить преград между собой и учеником. Я не жду, чтобы сказали мне, что случилось. Я сама спрашиваю. И помогаю».

Годы хранят её. Анна Ивановна ничуть не изменилась. Она и сегодня осталась такой, как 48 лет назад, когда приехала в Худино молоденькой женой начальника заставы из столичного Киева, немного поревела: ну и глушь, а потом встала и состряпала для солдат 200 котлет — ведь они так стосковались без домашней пищи. Стряпала и про себя тихонько насвистывала любимый романс, петь ей мама не велела из-за отсутствия голоса. Зато слух у неё всегда был замечательный.

— Вера Куртина

Праздничная женщина Нехам (Анна) Вайсман

Вера Куртина — журналист. Работая на Амурском телевидении и радио, трижды становилась лауреатом Всероссийского фестиваля телерадиопередач, посвящённых духовной тематике, была неоднократным лауреатом региональных и областных конкурсов. В настоящее время — редактор газеты «Амурский дилижанс». Много ею написано хороших статей о своих земляках.

В 2006 году в «Амурском дилижансе» опубликована её статья об Анне Ивановне.

Первая встреча

В жизни ничего случайного не бывает. Чем старше становишься, тем отчётливее просматриваешь связи, выявляешь закономерности, проводишь параллели.

Совсем зелёной мечтательницей была я, когда судьба привела меня в комитет по телевидению и радиовещанию. Так тогда именовался прототип ГТРК «Амур». Пока доучивалась на заочном отделении родного педагогического института, работала помощником телережиссёра.

Хочешь узнать человека — дай ему власть, говорят в народе, а хочешь проверить его на человечность, — посмотри, как он общается с молодёжью.

Поскольку в те «застойные» семидесятые наша организация была рупором компартии, то приходили записываться с выступлениями в основном партийные деятели, чиновники разного ранга и калибра. Вот уж где насмотрелась я в то время на «львов», «павлинов» и прочих начальников с гонором, которым всё не то, всё не так.

Почему вода в стакане тёплая (холодная)? Почему стул поставили не тот, не этот? У меня от волнения ладошки были вечно холодными. Помню, пришла одна «дама из Амстердама». Первый секретарь, не буду называть, какого райкома партии, брезгливо смерила мою персону с головы до ног и, убедившись, что перед нею обслуживающий персонал, этакая очкастая букашка, водрузилась на стул за столиком с микрофоном, недовольно разглядывая себя в монитор.

— Эй, как вас там, — через пару минут донёсся её не терпящий возражения голос. — У вас пудра-то хоть есть!?

Я срочно кинулась в гримёрку, в два счёта вновь оказалась в студии. Дрожащими руками, ловя на себе сочувственные взгляды операторов, повязала вокруг шеи мадам салфетку, стала её припудривать. Только прикоснулась ко лбу, как раздался новый рык.

— Вы что, девушка, руки ледяной водой моете?

Кое-как закончив начатую процедуру, я удалилась в гримёрку, чтобы отнести всё на место, а заодно смахнуть набежавшие от обиды слезинки. Но надо было возвращаться в студийный павильон. Режиссёр Юрий Светличный по громкой связи объявил о начале записи. Пора было ставить перед камерой заставку передачи.

Закончилась запись, после которой хотелось поскорее расслабиться. Сбегать на набережную, посмотреть на амурские волны, как они перекатывают камушки, увлекая их за собой с места на место, очистить душу от негатива подобных встреч. Это уже через много лет я узнала, что вода — хранитель информации: какую ты ей мыслеформу передаёшь, ту и сохранит, а если попросишь очищения — тут же исполнится. Не зря православных крестят, окуная в водяную купель.

Расслабиться не удалось. Объявили о внеплановой записи. Преподаватель БГПИ Анна Ивановна Вайсман, руководитель научно-методического совета по литературе и искусству областной организации общества «Знание», срочно уезжала в командировку и просила, чтобы её записали вне регламента. Не предвкушая ничего хорошего от ещё одной встречи с идейной дамой, я начала готовить студию к тракту. К тому времени я работала всего лишь второй месяц. Только познавала телевизионную кухню.

— Да не робей ты, — видя мою растерянность, попытался приободрить меня телеоператор Анатолий Куслин, — «Анна Ванна»

свой человек. Вот увидишь, она тебе понравится.

В этот момент слышались весёлые оживлённые голоса за студийной дверью, что было чрезвычайной редкостью по тем временам. Вольности не поощрялись. Дверь распахнулась, и наш главный режиссёр Радий Мартынов (светлая ему память) галантно, под ручку ввёл очаровательную дюймовочку с живыми русалочьими глазами. Она, заливисто хохоча, что-то ему рассказывала.

— Привет, ребята, — обратилась она к нам, как к старым приятелям. — Ну, как вам мой новый балахончик? Надёжно ли прикрывает мой выдающийся живот? А то прошлый раз критиковали, за то что выгляжу неподобающим образом.

Кокетливо тряхнув кудрявой головой, «Анна Ванна», как её представил Радий Степанович, лихо запрыгнула на помост и замерла перед микрофоном, собираясь, очевидно, с мыслями перед выступлением.

— Ну, что я тебе говорил, — подмигивая мне, произнёс Анатолий. — То ли ещё будет, когда она стихи читать начнёт.

И она начала. Замерев от восхищения, я слушала русскую речь. Стихи Александра Блока, то чеканные, то надрывные, заполнили вакуумную тишину студийного павильона.

— Да, скифы мы! Да, азиаты мы, с раскосыми и жадными очами...

Голос будил в моей душе самые сокровенные струны. Так стихи могла читать либо великолепная актриса, либо человек, чья истрадавшая душа прошла тяжкие испытания. Столько неподдельного чувства, эмоций звучало в её голосе. Он то разливался нежным ко-

*«Мы в нежных розах ценим аромат,
В их пурпуре живущий сокровенно...»*

Уильям Шекспир

локольчиком русской тройки, то грозным вихрем взмывал к самому потолку.

Полтора часа записи пролетели как один волнующий миг встречи с прекрасным в творческом порыве человеком.

Разумеется, мне захотелось узнать об этой незаурядной, открытой и непосредственной женщине больше, постичь истоки её творческого начала.

Не успех, а усилие заслуживает награды

Действительно, успех — это квинтэссенция всех помыслов и усилий человека, то есть результат очевидный, лежащий на поверхности. И всё же побудительные мотивы дороже всего. Именно они позволяют человеку либо проявлять себя яркой звездой, кометой, несущей не разрушение, а праздничный фейерверк, либо тускло тлеть, отравляя своим чадом окружающее пространство? А быть может, не в мотивах дело, а в умении распорядиться заложенным в каждом из нас Божьим даром?

Каким образом в регламентированном, ограниченном рамках политических условностей пространстве могла появиться женщина-праздник, Анна Вайсман, на которую благоговейно смотрели сотни, тысячи студенческих, зрительских глаз, обожающих, благодарных?

Я училась в БГПИ на естественно-географическом факультете, где преподавали свои незаурядные личности: профессор Н. К. Шульман, кандидаты географических наук В. И. Себин, И. П. Шиндялова, Г. А. Груздев, Ж. З. Перова — со своими, присущими им достоинствами. Знакомство с «Анной Ванной» ещё более добавило мне уверенности, что человек волен проявлять себя индивидуально в любых обстоятельствах, будь то фашистское гетто или диктатура пролетариата.

При первой же встрече с друзьями-истфиловцами поинтересовалась у них: «Кто такая Анна Ивановна?»

На меня посмотрели как на больную.

— Это же душа нашего факультета, увлечённый человек, блестящий педагог. Много поколений школьных учителей воспитала она, зажигая в их душах лампы творчества.

— Преподавание зарубежной литературы в школе немыслимо без её лекций, практических и семинарских занятий.

Она автор большого количества научных и методических работ. Её труды издаются отдельными монографиями, печатаются во всероссийском журнале «Литература в школе».

У неё много обязанностей. Она и депутат областного Совета, и член женсовета города, и руководитель студии художественного слова, сама пишет стихи и прозу. К тому же Анна Ивановна — мать двоих детей.

Конечно, после такой информации мне захотелось побывать на её занятиях с чтецами в студии художественного слова.

Более демократичной обстановки я не видела нигде. Хотя, как оказалось, выбирала она в студию студентов-первокурсников, тех, у кого был сильный голос, хорошая дикция. Некоторые с радостью шли на контакт с нею, другим, как она говорила сама, приходилось «стучаться в душу». И начиналась кропотливая работа над выбором стихов для чтения, поиск нужного состояния, акцентов, технических приёмов. Но... если стихотворение из уст новичка не звучало, всё начиналось сначала.

Были среди учеников и обидчивые, и нетерпеливые: «Не получается, уйду». Другой бы на её месте рукой махнул на прощание: скатертью дорога, следующий придёт. А она, бывало, приводила к себе парней и девчат домой: музыку послушать, по душам поговорить. После чего обязательно возникала ответная волна взаимопонимания!

На всё это, конечно, уходило колоссальное количество времени. Студенты, которых чему-то научила Нехама (Анна) Вайсман, постепенно уходили из института, но свет доброты и творчества продолжался и за институтскими стенами, вспыхивая яркими огоньками на жизненном ветру.

Всё, что вдохновляет, — оставляет свет

Позже я узнала, что дикторы амурского телеэфира заслуженная артистка РФ Райса Позднякова, Алла Яценко — ученицы Анны Вайсман.

Бывшая её студентка Татьяна Иванова учила детей профессионально читать стихи в Бочкарёвской средней школе. Тамара Белова, доцент Саратовского пединститута, кандидат филологических наук, всё свободное время отдавала самодеятельному искусству. Ведущий журналист ГТРК «Амур» Александр Крючков тоже из её звёздной плеяды. Тамара Ющенко, Наташа Ирхина, Геннадий Кузин были лауреатами областных фестивалей художественного творчества. Леонид Терентьев — один из трёх дальневосточников, ставших лауреатами Всесоюзного конкурса чтецов, Лида Дзюба — дипломант Всероссийского фестиваля.

Почему Анна Ивановна Вайсман тратила своё драгоценное время на молодых и ершистых? Да потому, что в те годы у нас в области не было подобных студий. Не готовили чтецов и в культпросветучилище. Поэтому и отдавала она свою любовь к звучащему слову молодым. Вводила их в мир искусства, дарила особую творческую атмосферу, учила сопереживанию, воспитывая у них чувство ответственности за свой труд, учила жить, не деля рабочее время на «от» и «до». Эта увлечённость у неё с юности. Когда училась в Киевском университете, занималась в такой же студии. Вела её народная артистка Украинской ССР Полина Нятко. Юной студентке Нюсе Вайсман было известно: в начале было слово...

— Занятия помогли мне глубже познать многогранность слова, вникая в самую потаённую суть стихотворения, а затем и начать пробовать слагать свои «вирши»... Не знаю, смогла ли бы я выдержать те испытания, что выпали на мою долю, если бы заложенные в студии зёрнышки не проросли в душе мощными колосьями моральной поддержки...

Корни, ветви, цветы, плоды и семена

Как в плодоносящем дереве гармонично сложенная, задуманная Создателем и воплощённая в явь система жизнеобеспечения питает его из почвенных слоёв корнями-насосами, вынося вещества, по стволу донося их до каждого листика, побуждая их распускаться по весне, давая старт цветам и плодам в срок, так и в человеческом организме мы все зависим от тех, кто был

первым, кто заложил первый колышек, возвёл фундамент, дал старт.

Родители Нехамы (Анны) Вайсман — Перл Лейбышес Печерская и Иойно Исаакович Вайсман — вместе прожили пятьдесят лет и две недели.

Она — романтическая натура, воспитанная на книжных романах. Он — добрейшей души человек, кормилец, глубоко верующий в истину добра, в разум.

Малышка Нехама — обласканный ребёнок в семье. Её детство — мозаика ярких, цветных, вкусовых, осязательных впечатлений. Восторг от увиденных в вазе цветов, выращенных мамиными руками. Маленький с чайными розами сервиз — символ уюта, безмятежности, незабываемости родного очага на берегу Днестра.

До сих пор зелёные друзья-цветы окружают её, создают благодатный климат в квартире своим молчаливым присутствием.

Девочка росла, познавала мир, училась, не предполагая, какие испытания предстоит пережить её семье. Поэзия Пушкина, Лермонтова, любимые мамины песни, Перл (жемчужина) и Иойно (голубь) прекрасно дополняли друг друга. А она была голубиным утешением.

Всех троих фашисты загнали в гетто и пытались убить за то, что в их жилах текла еврейская кровь...

Второй год Анна Ивановна не ведёт занятия в БГПУ, но её неуёмная натура, пересилив тяжёлый недуг, жаждет самовыражения, творчества. Знакомство с амурскими журналистами переросло в дружбу. У многих из них вечер начинается с того, что раздаётся телефонный звонок: её тёплый неподражаемый голос вопрошает: «Как дела, детка? Можно, я почитаю тебе свои стихи? Я написала их ночью под впечатлением случившегося». И льются мелодии поэтических строчек. Их можно слушать бесконечно, сверяя себя, своё мироощущение с мироощущением её — женщины, сумевшей вопреки трагическим поворотам судьбы, ужасам фашистского холокоста, скрытой зависти сохранить любовь ко всем людям.

«Главное, — говорит она, — сохранить молодость души и быть всегда нужной людям».

— Александр Ярошенко, Наталья Дымочко

Командировка в Советский Союз

Совместный журналистский проект «Российской газеты» и телекомпании «5-й канал» — «Через визы, через расстояния» — стартовал в путь в конце января 2008 года. Журналисты придумали этот проект только с одной целью — объединить разрозненные жизнью человеческие судьбы, рассказать амурчанам из первых уст, как сегодня живут простые люди в Грузии и Молдове, Украине и Эстонии и т. д. Ведь ещё два десятилетия назад мы были одной неплохой семьёй.

В этот проект попала и наша Анна Ивановна. Вот что писали Александр Ярошенко и Наталья Дымочко: «...несравненный профессор-

филолог, учитель доброй половины амурских учителей не может забыть свой родной Киев и свой Киевский университет. Её стихотворение об освобождённом от фашистов Киеве написано кровью сердца... А как Анна Ивановна читала нам свою любимую Лесю Украинку!

— Украинская мова — это язык моего детства.

Конечно, мы приедем в Киевский университет, найдём Вашу любимую аудиторию, подарим Вашей альма-матер Вашу книгу... Пусть гордятся своей выпускницей бесконечно далёкого 1949 года».

И вот в «Российской газете» за 10 июля 2008 года появилась большая статья Александра Ярошенко «Нехама». Я приведу лишь фрагменты из этой замечательной статьи.

Анна Вайсман. Другие слова и не нужны... Все филологи Приамурья влюблены в эту статную женщину.

...Больше полувека было отдано Благовещенскому педагогическому институту (университету), где она прошла путь от рядового преподавателя до профессора кафедры.

Сказать, что её любили студенты, — ничего не сказать! Её лекции были как мини-спектакли: полными огня, темперамента и актёрского мастерства. Двоих сыновей она вырастила между лекциями и практическими занятиями, бесконечными походами в театр и вечными студенческими отработками и «хвостами».

Когда «Российская газета» совместно с телекомпанией «5-й канал» создали совместный проект «Через годы, через расстояния», Анна Вайсман переживала тяжёлый период своей жизни. Недавно умер муж, с которым она прожила больше полувека.

— Вы едете в Киев?! Передайте поклон моему любимому университету. Я подарю ему частицу своего сердца, только что вышедшую мою книжку «Мой земной поклон».

«Мой ридный Киев...»

Красавец Киев встретил нас синей метелью, нарядной подсветкой роскошных зданий и певучей украинской мовой.

К нашему звонку в приёмной ректора Киевского университета отнеслись несколько настороженно: дальневосточные журналисты хотят передать поклон и книгу от выпускницы почти шестидесятилетней давности...

Строгие секьюрити долго рассматривали наши удостоверения, куда-то звонили, уточняли, переспрашивали. Наконец-то вымолвили: «Проходите».

Заместитель ректора Елена Степановна Снитко, как только увидела с экрана ноутбука, как в дальневосточном Благовещенске пожилая женщина читает стихи Тараса Шевченко и Леси Украинки, как она вспоминает о Киевском университете, не смогла сдержать слёз и эмоций.

— Я долго сомневалась, принять вас или нет. Думала, опять политика и надоевшие разговоры вокруг статуса русского языка, а тут такая душа и такая судьба...

Минута — и вся кафедра русского языка собралась в одной из аудиторий слушать приехавших российских журналистов. А когда киевская профессура увидела книгу Анны Ивановны Вайсман с трогательной надписью на украинском языке, эмоциям не было конца и края.

— Как вы живёте в России? А сколько лететь до Благовещенска? А украинцев у вас много, край-то переселенческий?

Потом перед нами распахивались все двери главного университета суверенной Украины, кафедра фольклористики дарила диски с

В день рождения Анны Ивановны, 28 января 2008 года, её книгу как дорогой подарок приняли на кафедре русского языка Киевского университета

народными песнями, сотрудница университетского музея одарила книгами и фотографиями, нам в сумку почти насильно втискивали видеофильмы и журналы об университете.

Это подарок неба — мы добрались до альма-матер Нехамы Вайсман в день её рождения. Ни днём позже. Так не совпадает. Так звёзды сошлись. Так было выстрадано судьбой бесконечно талантливой еврейской девочки, прошедшей через жернова фашистского гетто, которая в своей душе пронесла три великие культуры: русскую, еврейскую и украинскую. Которая за десятилетия жизни бросила бессчётное количество семян добра и правды в распахнутые души студентов.

Когда Анна Ивановна увидела наш видеоотчёт о пребывании в своём университете, она вымолвила всего одну лишь фразу.

— Вы продлили мне жизнь!

Поверьте, это дороже любого гонорара.